

ТИПОЛОГИЯ МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ: ПОЧЕМУ ЯЗЫКИ ТАКИЕ ПРЕДСКАЗУЕМЫЕ?*

Е. А. Лютикова¹, А. В. Циммерлинг²

¹*МГУ имени М. В. Ломоносова,*

^{1,2}*Московский педагогический государственный университет,*

^{1,2}*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,*

²*Институт языкознания РАН*

В статье обсуждается методология и теоретические проблемы параметрического описания языков мира. Ключевым для современной лингвистической типологии является понятие предсказуемости: типология одновременно стремится описать языковое разнообразие и его предсказать. Тем самым, типология пытается одновременно ответить на извечные вопросы, 'почему языки такие разные' и 'почему языки такие одинаковые'. Параметры нетождественны элементарным языковым признакам и имеют иерархическую структуру: они связаны с гипотезами о том, как группируются классы языков мира. Критика аппарата параметрической типологии является необходимым условием успешности процедуры, но ограничение набора категорий описания понятиями, являющимися непосредственным результатом обобщений над конкретным языковым материалом, невозможно. Координация усилий типологов, занимающихся проблемами параметризации, связана с общностью решаемых задач описания, а не с принадлежностью ученого к той или иной концепции формальной грамматики. Одной из площадок для дискуссии является проводимая с 2011 г. серия международных конференций «Типология морфосинтаксических параметров». Первый выпуск одноименного журнала (2018, вып. 1) по своей тематике продолжает серию ежегодных публикаций конференции ТМП, издававшихся с 2014 по 2017 гг.

Ключевые слова: лингвистическая типология, признак, параметризация, грамматика, морфосинтаксис, языковое разнообразие, конференции.

* Статья написана при поддержке проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина.

TYPOLGY OF MORPHOSYNTACTIC PARAMETERS: WHY ARE LANGUAGES SO PREDICTABLE?*

Ekaterina Lyutikova¹, Anton Zimmerling²

¹Lomonosov Moscow State University,

^{1,2}Moscow Pedagogical State University,

^{1,2}Pushkin State Russian Language Institute,

²Institute of Linguistics RAS

This paper discusses the methodology of the parametric description of the world's languages. The present day linguistic typology aims at once at describing the language diversity and at predicting it: the notion of predictability plays the crucial role, since the typology addresses the eternal questions 'why the languages are so different' and 'why the languages are so similar'. Parameters differ from elementary linguistic features and have a hierarchical structure: they are based on hypotheses how the classes of the world's languages can be grouped. The critic assessment of the concepts implemented in the parametric typology is a prerequisite of any successful application. Meanwhile, the set of such concepts cannot be reduced to the so called comparative concepts, i.e. concepts directly based on the comparison of language-specific data. The dialogue between the linguists involved in the parametrization of the world's languages is motivated by the practical tasks they solve, rather than by the choice of any formal framework some of them may represent. One of the traditional dialogue forums is the series of the thematic international conferences "Typology of morphosyntactic parameters" (2011 —) and the series of TMP proceedings (2014 —). The first issue of the eponymous journal (2018, issue 1) develops this tradition and explores in the same field of research.

Keywords: linguistic typology, features, parametrization, grammar, morphosyntax, language diversity, conferences.

* The paper is a part of the scientific project "Parametric description of the languages of Russia" at the Pushkin State Russian Language Institute.

1. Сравнение языков и его теоретические основания

Параметризация языкового многообразия — область, требующая взаимодействия лингвистической типологии и теории грамматики. Современная лингвистическая типология — преимущественно индуктивная наука, но она оперирует обобщениями, распространяющимися либо на все множество языков мира [Croft 2003], либо на открытые классы языков мира, соответствующие заданным комбинациям значений тех или иных параметров описания (например, наличие в языке L грамматических показателей категорий времени или вида, предлогов или послелогов, препозиции или постпозиции дополнения предикату, наличие глаголов, управляющих двумя или тремя дополнениями и т.п.). В этом смысле можно говорить, например, о классе языков мира с категорией числа, с дальнейшим подразделением на языки, имеющие 2 или 3 граммы данной категории; о классе языков мира с грамматическими показателями категорий времени (T) и вида (A), с дальнейшим подразделением на языки, имеющие набор $T \vee A$ и языки, имеющие набор $T \wedge A$; о классе языков мира с синтаксическими элементами, занимающими вторую позицию от левого края клаузы ($2P$), с дальнейшим подразделением на языки со вторым местом финитного глагола ($V2$) и языки с клитиками второй позиции ($CL2$). Параметры, дающие такое распределение, нетождественны элементарным грамматическим признакам. Они имеют иерархическую структуру и показывают, что некоторый язык или класс языков являются частью более обширного класса языков, обнаруживающих ряд общих свойств. Если для языков с грамматическими показателями двойственного числа включение их в класс языков с грамматическими показателями числа является относительно тривиальной информацией, то для небольшого класса языков со второй позицией финитного глагола (ср. такие хорошо описанные языки, как, например, современные немецкий, нидерландский, датский, норвежский), большинство из которых является близкородственными и развивающимися в условиях ареальных контактов между собой, информация о включении их в более обширный класс языков с элементами второй позиции ($2P$), засвидетельствованными в разных ареалах, уже более содержательна. Если более обширный класс $2P$ языков имеет доказанные общие свойства [Roberts 2012; Zimmerling 2015], то сходство глагольного синтаксиса в германских языках $V2$ объясняется более фундаментальными причинами, нежели генетическая близость или ареальное взаимодействие данных языков.

По мере того, как число первичных описаний языков мира растет и представления о границах языкового разнообразия уточняются, в типологии все чаще звучат призывы свести к минимуму или вообще исключить применение априорных понятий в типологически ориентированных работах, оставив лишь те понятия, которые являются прямым результатом сопоставления конкретных изучаемых языков (comparative concepts) и отбросив понятия, претендующие на универсальный охват всей совокупности языковых фактов (universal concepts), см. [Haspelmath 2010; 2014]. Критика метаязыкового аппарата, элементы которого заимствованы из тех или иных формальных моделей языка (frameworks) — необходимое условие прогресса типологии, которая стремится занять свое место среди естественных наук и претендует на эмпирическую адекватность и статистическую значимость результатов. Однако не стоит забывать о том, что такие укорененные в описательных грамматиках, например, в описаниях русского языка, понятия, как морфологический падеж и акцентная парадигма [Зализняк 1967], предикативное согласование и подлежащее [Шведова 1982: 20; 94], порядок слов, тема и рема [Ковтунова 1976], не даны в наблюдении и не являются результатом обобщений над сопоставлением конкретных языков — это модельные понятия, проверяемые на всех языках мира. Безусловно, есть языки мира без категории падежа, были также обнаружены случаи, где процедура определения падежа по А.А. Зализняку неприменима или применима в ограниченном объеме [Аркадьев 2016]. Но это не значит, что представление о падеже по А.А. Зализняку было индуктивным обобщением наблюдений над падежными системами русского, латинского, немецкого, древнеиндийского и прочих языков, известных предложившему ее лингвисту — это модель, проверяемая на всем множестве языков, где есть условия для ее проверки¹. Понятие грамматического подлежащего, т.е. приоритетной группы, выделяемой на первом шаге синтаксического анализа и вынесенной за пределы сказуемого, — еще более спорный конструкт, особенно в перспективе выявления универсальной диагностики подлежащих. Возможно, хотя и это не доказано строго, что существуют языки, где выделение подлежащего невозможно или необязательно [Li, Thompson 1976; Kibrik 1997]. Тем не менее, попытка отказа от понятия подлежащего и морфосинтаксической диагностики подлежащего

¹ Т.е. языки, где имеются имена и именные группы, способные принимать разные формы в соответствии с синтаксической позицией в предложении.

в русском языке, предпринятая в замечательной во многих отношениях работе И.Ш. Козинского [Козинский 1983], не привела к более ясному или более простому анализу русской грамматики. Еще одной парой априорных понятий являются соотносительные понятия темы и ремы, связанные с предположительно универсальным принципом бинарного членения коммуникативной структуры предложения на компонент, выражающий непосредственную цель сообщения (=рему) и коррелирующий с ним компонент, обозначающий исходную или принимаемую в процессе обработки информации за исходную точку зрения сообщения (=тему). С учетом важной поправки [Sasse 1987] о существовании т.н. коммуникативно нерасчлененных высказываний, лишенных темы (thetic sentences), проверяемая форма гипотезы об универсальности коммуникативного членения состоит в том, что хотя в конкретном высказывании конкретного языка тема может отсутствовать, в каждом языке есть регулярные механизмы противопоставления темы и ремы в коммуникативно расчлененных высказываниях. Параметризация нерасчлененных и расчлененных высказываний в перспективе используемых средств (изменения порядка слов, интонации, добавления нового сегментного материала) — актуальная задача современной типологии, ср. [Fiedler, Schwarz 2010; Лютикова, Циммерлинг 2016; Лютикова 2019]. Используемые в таких параметрических описаниях модели информационной структуры могут быть более удачными или менее удачными, в том числе — в связи с недоучетом разнообразия в исследуемой предметной области или в связи с прямолинейной экстраполяцией процедуры описания одних языков на другие языки, изученные хуже. Но это, по нашему мнению, не служит достаточным основанием для того, чтобы утверждать, будто базовые категории коммуникативного членения, изначально выделенные на материале славянских языков со свободным порядком слов, неприменимы к описанию некоторых других языков мира, где якобы выделяются не тема и рема, а совсем иные коммуникативные компоненты. При параметризации разнообразия невозможно описывать разные языки мира в терминах лишь тех категорий, которые специфичны для них.

Понятие ‘порядка слов’ кажется интуитивно ясным и дотеоретическим, но опыт его применения в лингвистической типологии свидетельствует об обратном. В знаменитой работе Дж. Гринберга, стоящей у истоков современной типологии [Greenberg 1963], на основе выборки малого объема (всего 30 языков) был сделан вывод о том, что для любого языка мира может быть рассчитана т.н. базовая формула предложения, опирающаяся

на относительное расположение трех предположительно универсальных диагностических категорий — S (подлежащее), O (дополнение), V (глагол / предикат). Предпринятая в последующие десятилетия проверка типологии базовых порядков на материале более широкого круга языков показала, что Гринберг недооценил разнообразие языков мира: в его выборку из 30 языков попали лишь языки с порядками SVO, SOV, VSO, в то время как в выборке из нескольких сот языков обнаружилось все 6 теоретически возможных комбинаций: SVO, SOV, VSO, OVS, OSV, VOS. Сами по себе допущения типологии базового порядка от числа просмотренных языков не менялись. Они лишь стали при расширении эмпирического материала более очевидными. Во-первых, соглашаясь описывать все языки мира в терминах одних и тех же диагностических категорий S, O, V, типолог отвлекается от вопроса о том, стоят ли за символами S и O в разных языках те же самые синтаксические и семантические (ролевые) сущности, или нет: достаточно допустить, что за S и O в каждом отдельно взятом языке стоят разные категории². Во-вторых, при подходе Гринберга не проводится различия между рестриктивными системами порядка слов, запрещающими инверсию диагностических категорий S, O, V, и нерестриктивными системами порядка слов, где синтаксическая структура может реализовываться при разном порядке элементов [Mithun 1992; Austin 2001]. Типология Гринберга не объясняет, как именно происходит деривация разных линейных порядков, она лишь утверждает, что в любом языке, включая языки с т.н. свободным порядком слов типа современного русского, можно выделить один и только один линейный порядок, являющийся исходным, базовым. Это парадоксальным образом сближает ее с формальными теориями фиксированного порядка категорий предложения, упоминаемыми ниже в разделе 2. В настоящее время параметризация порядка слов в языках мира является сильно обособившейся областью исследования, которая не может опираться только на процедуру Гринберга, но типология базовых порядков, основанная на параметре ветвления и понятии формулы предложения, остается ее важной составной частью, ср. [Dryer 2013].

² Поскольку понятия S (подлежащее / приоритетный аргумент / приоритетная синтаксическая роль), O (дополнение / неприоритетный аргумент / неприоритетная семантическая роль) не являются теоретически нейтральными, диагностика S и O зависит от того, как описывается грамматика языка L в целом, например, постулируется ли для данного языка номинативная или эргативная конструкция предложения, выбирается ли активная или пассивная трактовка эргативности и т.п.

2. Параметризация как инструмент теоретической и типологической лингвистики

На сегодняшний день лингвистическая типология — одна из наиболее динамично развивающихся областей лингвистики. Успехи этого направления обусловлены, с одной стороны, конвергенцией с теорией грамматики, позволяющей вывести на новый содержательный уровень глубину межъязыковых обобщений и расширить эмпирическую базу языковых моделей, а с другой стороны, расширением предметных областей, подвергающихся типологическому сопоставлению, разработкой и уточнением новых формальных методов, позволяющих проводить анализ сложных и многофакторных языковых феноменов. Ниже мы обсудим направления типологических исследований грамматики и области применения параметрического моделирования, которые, как мы надеемся, будут освещаться и на страницах нового журнала.

Сопоставительные исследования языков эксплицитно или имплицитно подразумевают поиск ответов на два вопроса. Первый вопрос возникает, как только лингвист сталкивается с отличиями языков: это вопрос о межъязыковом варьировании и его параметрах. Второй вопрос связан с осознанием того факта, что грамматики языков варьируют не бесконечно, но в определенных пределах.

Почему в английском языке наречия типа ‘часто’ находятся левее лексического глагола, а во французском правее (1)? Почему в английском языке перед спрягаемым глаголом может находиться только подлежащее, но не дополнение, в немецком языке — или подлежащее, или дополнение, но не оба одновременно, в турецком языке — и подлежащее, и дополнение обязательно расположены перед глаголом, а в русском языке нет никаких синтаксических запретов на взаимное расположение глагола-сказуемого, подлежащего и дополнения (2)? Почему в татарском языке показатель множественного числа предшествует притяжательному показателю, а в чувашском языке — следует за ним (3)?

(1) а. английский

John often kisses Mary.

‘Джон часто целует Мэри.’

б. французский

Jean embrasse souvent Marie.

‘Жан часто целует Мари.’

- (2) a. английский
 John read the book. / *The book read John. / *John the book read.
 ‘Джон прочитал книгу.’
- b. немецкий
 Der Johann las das Buch. / Das Buch las der Johann. /
 *Der Johann das Buch las.
 ‘Иоганн прочитал книгу.’
- c. турецкий
 Ahmet kitabı okudu. / ?*Ahmet okudu kitabı. / ?*Kitabı okudu Ahmet.
 ‘Ахмет прочитал книгу.’
- d. русский
 Вася прочитал книгу. / Книгу прочитал Вася. / Вася книгу прочитал.
- (3) a. татарский
тегерман-нар-ем-не
 мельница-PL-1SG-ACC
 ‘мои мельницы (ACC)’
- b. чувашский
арман-ӓм-сен-е
 мельница-1SG-PL-ACC
 ‘мои мельницы (ACC)’

Ответы на эти вопросы обычно формулируются в виде обобщений над характеристиками грамматик разных языков, которые принимают форму параметров. Например, отличие между английским и французским, демонстрируемое в примере (1), получает объяснение, если предположить, что передвижение лексического глагола в предикативную вершину (V-to-T) является бинарным параметром, принимающим значение «да» для французского языка и «нет» для английского языка [Pollock 1989]. Соответственно, структурно идентичные клаузы английского и французского языков приводят к разным поверхностным реализациям: в английском языке лексический глагол остается *in situ*, в то время как во французском языке он покидает глагольную область и располагается в предикативной вершине T (4a-b), ср. обсуждение в [Pollock 1989; Бейлин 1997: 54; Циммерлинг 2000].

(4) а. английский

John T [_{VP} often [_{VP} kisses Mary]].

‘Джон часто целует Мэри.’

b. французский

Jean embrasse_i + T [_{VP} souvent [_{VP} t_i Marie]].

‘Жан часто целует Мари.’

Важное свойство параметра, отличающее его от простого описания наблюдаемого контраста («во французском языке глагол предшествует наречию, а в английском — следует за ним»), состоит в том, что он позволяет обобщить целую совокупность разнородных фактов и представить их как реализацию одного и того же противопоставления. Так, например, параметр [$\pm V$ -to-T] дает нам возможность объяснить не только позицию глагола относительно наречия (1a-b), но и позицию глагола относительно отрицания, плавающего квантора, его участие в вопросительной инверсии (5)-(7).

(5) а. английский

John doesn't like Mary.

‘Джон не любит Мэри.’

b. французский

Jean n'aime pas Marie.

‘Жан не любит Мари.’

(6) а. английский

My friends all love Mary.

‘Мои друзья все любят Мэри.’

b. французский

Mes amis aiment tous Marie.

‘Мои друзья все любят Мари.’

(7) а. английский

Does he love Mary?

‘Любит ли он Мэри?’

b. французский

Aime-t-il Marie?

‘Любит ли он Мари?’

Параметризацию можно проводить на любом этапе анализа. Однако не все гипотетически возможные параметры получают подтверждение при более углубленном анализе. Так, к примеру, на основе парадигмы в (2) можно предположить существование параметра, регулирующего допустимые в языке составляющие в предглагольной позиции. Для английского языка параметр принимает значение SU , для немецкого и кашмири — $SU \vee DO$, для турецкого — $SU \wedge DO$, на русский же этот параметр не накладывает никаких ограничений ($\emptyset \vee SU \vee DO \vee (SU \wedge DO)$). Однако такой параметр будет в дальнейшем отклонен. Во-первых, обнаружится, что этот параметр не предсказывает ничего, кроме тех фактов, на основе которых он был сформулирован: например, он не может быть использован при расширении набора рассматриваемых составляющих — при добавлении к ним непрямого дополнения или обстоятельства. При этом ограничения на заполнение предглагольной позиции каждого конкретного языка вступают в системные отношения с другими (отличными для каждого языка) фактами в области структуры клаузы. Эти факты в совокупности позволяют заключить, что ярлык ‘предглагольная позиция’ в разных языках соответствует разным грамматическим феноменам. В английском языке предглагольная позиция — это позиция подлежащего. Ее расположение непосредственно перед спрягаемым глаголом (точнее, перед предикативной вершиной T) объясняется тем, что подлежащее в процессе деривации оказывается в $S_{\text{прес}}$, TP , что, в свою очередь, моделируется как потребность вершины T в заполненном спецификаторе и падежное взаимодействие T и будущего подлежащего.

В немецком языке предглагольная позиция в (2b) — это позиция $S_{\text{прес}}$, CP (сам спрягаемый глагол находится в C) [den Besten 1983]. Немецкий является одним из представителей класса немногочисленного, но хорошо описанного класса языков $V2$ — языков со второй позицией спрягаемого глагола в независимом утвердительном предложении³. Тот факт, что перед глаголом может находиться только одна составляющая, следует из единственности доступной позиции спецификатора. При этом в данную позицию может передвигаться любая составляющая независимо от ее синтаксической роли.

Турецкий язык — это язык с последовательным левосторонним ветвлением, так что все зависимые располагаются слева от своих вершин. Соответственно, предглагольную позицию занимают все клаузальные фразовые составляющие — подлежащее, дополнения, обстоятельства.

³ О параметризации языков $V2$ см. работу [Zimmerling, Lyutikova 2015].

Примечательно, что неграмматичный в независимом предложении немецкого языка порядок слов SU DO V оказывается приемлемым в придаточном предложении (... *dass der Johann das Buch las* '... что Иоганн читал книгу'). Мы можем объяснить этот факт, если предположим, что в немецком языке все клаузальные вершины до уровня TP ветвятся налево, как в турецком, а комплементаризатор придаточного предложения (подчинительный союз *dass*) отличается по своим свойствам от комплементаризатора главного предложения: он не вызывает передвижения T-to-C и не требует заполнения позиции спецификатора. Дальнейшая параметризация языков V2 может быть связана как с уточнением условий ветвления, так и уточнением дистрибуции комплементаризаторов. Так, например, в языке кашмири ограничение V2 сочетается с последовательным левосторонним ветвлением всех лексических категорий [Bhatt 1999]. С другой стороны, в ряде языков V2, например, в языках африкаанс и идиш, порядок V2 может реализовываться и в придаточных при некоторых типах комплементаризаторов [Zimmerling, Lyutikova 2015].

Наконец, русские данные говорят о том, что линейная структура предложения, полученная при синтаксической деривации, подвергается дальнейшим преобразованиям, призванным привести в соответствие его синтаксическое членение с коммуникативным. Вариант SU V DO является нейтральным и допускает несколько коммуникативных структур (тетическое предложение, предложение с предикатной ремой, предложение с узкой ремой на дополнении), вариант DO V SU предполагает тематизацию дополнения и консолидацию ремы из глагола и подлежащего, а вариант SU DO V наиболее естественно интерпретировать как верификативное предложение или предложение с узкой ремой на глаголе.

Таким образом, мы видим, что гипотетический параметр «предглагольной позиции» не прошел проверку дополнительным эмпирическим материалом и является эпифеноменом других параметров — структурной позиции подлежащего, ограничения V2, направления ветвления, возможности коммуникативно мотивированных линейно-акцентных преобразований. Поиск параметрических различий между языками и проверка адекватности и мощности выявляемых параметров составляют важнейшую задачу типологически ориентированных исследований грамматики и призваны в конечном итоге дать ответ на вопрос о богатстве языкового разнообразия, о том, «почему языки такие разные»⁴.

⁴ «Почему языки такие разные?» — название научно-популярной монографии В. А. Плунгяна [Плунгян 2010], знакомящей с языковым разнообразием.

Поиск ответа на вопрос о пределах языкового варьирования, о возможном и невозможном в естественном языке, о том, «почему языки такие одинаковые»⁵, может идти в разных направлениях. Одни исследователи исходят из того, что ограничения на языковое варьирование связаны с использованием языка человеком [Givón 1995, 2014]. Языки эволюционируют так, чтобы наилучшим образом выполнять свою функцию, и функция эта — обеспечивать выработку, хранение и передачу информации. Другие считают, что язык как инструмент очень плохо приспособлен для общения (он непоследователен, избыточен и неполон одновременно), однако в некотором отношении он совершенен — в отношении взаимодействия с другими когнитивными системами человека [Chomsky 2000; 2005]. И с одним, и с другим пониманием сущности языка, однако, совместима одна и та же исследовательская программа, опирающаяся на параметрическое представление варьирования: может ли языковое варьирование быть принципиально ограничено через ограничение устройства параметра? Иными словами, можем ли мы установить пределы языкового варьирования через обобщение о возможных и невозможных параметрах?

Наиболее продуктивная гипотеза в области ограничения содержания параметра носит название Гипотезы Борера-Хомского (Borer-Chomsky conjecture). Она предполагает, что межъязыковое варьирование может быть в конечном итоге сведено к формальным признакам синтаксических вершин. В (8) приводится несколько формулировок этой гипотезы, принадлежащих Х. Бореру, Н. Хомскому и М. Бейкеру.

- (8) a. “The availability of variation [is restricted] to the possibilities which are offered by one single component: the inflectional component” [Borer 1984: 3].
- b. “Parametric variation is restricted to the lexicon, and insofar as syntactic computation is concerned, to a narrow category of morphological properties, primarily inflectional” [Chomsky 2001: 2].
- c. “All parameters of variation are attributable to differences in features of particular items (e.g. the functional heads) in the lexicon” [Baker 2008: 353].

⁵ «Почему языки такие одинаковые?» — антитеза названию книги В. А. Плунгяна, прозвучавшая в одном из последних интервью А. Е. Кибрика как формулировка самой интересной и глубокой исследовательской программы в области лингвистики.

Гипотеза Борер-Хомского позволяет существенно упростить вычислительный компонент грамматики и свести универсальные принципы к эффективности вычисления и взаимодействия грамматики с интерфейсами, а межъязыковое варьирование — к различиям в признаковой спецификации лексических единиц (и в первую очередь — функциональных категорий) языка. Собственно грамматика языка, то есть принципы «обращения» с лексическими единицами, при этом остаются неизменными.

Отметим, что многие из рассмотренных нами выше параметров могут быть представлены как варьирование признаков конкретных вершин: например, в языках V2 комплементаризер, возглавляющий независимое предложение, обладает (сильным) признаком времени (вследствие чего притягивает содержимое предикативной вершины T, обладающей данным признаком) и признаком EPP (вследствие чего происходит передвижение одной из составляющих предложения в первую позицию либо вставка эксплетива). Напротив, комплементаризер придаточного предложения не имеет признака времени и признака EPP, так что структура придаточного предложения не меняется. Передвижение V-to-T во французском также может быть представлено как наличие у глагольной вершины сильного признака времени, а отсутствие такого передвижения в английском — отсутствием этого признака или его слабостью. В терминах 'силы' признака при известных условиях можно интерпретировать даже дистрибутивные свойства клитик, т.е. слабоударных элементов, само определение которых традиционно базируется на идее о том, что их место в предложении зависит от несинтаксических факторов [Zwicky 1985; Sadock 1995]. Так, например, в сербохорватском и болгарском языке есть т.н. клитики второй позиции (2P clitics), которые обычно ставятся после начальной составляющей предложения. Но в сербохорватских повествовательных предложениях клитики второй позиции могут быть отодвинуты на шаг вправо, если предложение начинается с топикального элемента: в этом случае реализуется порядок XP — V — CL, с глаголом на втором месте, напоминающий порядки или идентичный порядкам, порождаемым передвижением V-to-T во французском языке или германских языках V2 [Ćavar, Wilder 1999]. В болгарском языке начальные топикальные группы возможны, но они не отодвигают клитики второй позиции вправо и не приводят к инверсии глагола и клитик: порядок XP — CL — V в повествовательных предложениях болгарского языка не перестраивается. Одно из предлагавшихся объяснений состоит в том, что болгарские клитики являются 'сильными', они не могут быть отодвинуты

вправо и блокируют передвижение глагола. Напротив, сербохорватские (а также словацкие и древнерусские) клитики второй позиции являются ‘слабыми’, поэтому они допускают реструктуризацию $XP - CL \dots V \Rightarrow XP - V - CL$ [Zimmerling, Kosta 2013: 206]. Подобные различия, вероятно, могут быть параметризованы и в иных концепциях грамматики, например, в теориях, не использующих понятие передвижения и допущение о наличии универсальной фразовой структуры: важно, чтобы сам выделяемый параметр правильно предсказывал наблюдаемое распределение языковых фактов.

Если параметризуются формальные признаки вершин, то логически возможные варианты структуры параметра немногочисленны и дают нам следующую схему [Longobardi 2005: 411]:

(9) Abstract parameter schemata

- a. Is F, F a functional feature, grammaticalized?
- b. Is F, F a grammaticalized feature, checked by X, X a lexical category?
- c. Is F, F a grammaticalized feature, spread on Y, Y a lexical category?
- d. Is F, F a grammaticalized feature checked by X, strong (i.e. overtly attracts X)?

Под грамматикализованностью в (9a) понимается обязательность означенного формального признака F в определенной структуре (у определенного типа вершин). (9b) показывает, связано ли присутствие признака F у некоторой вершины с установлением некоторого структурного отношения между этой вершиной и составляющей X (иными словами, выступает ли данный признак в качестве зонда в операции AGREE, [Chomsky 2000]). (9c) определяет, имеет ли данный признак неозначенный вариант на некоторой составляющей Y, так что Y получает значение данного признака в результате согласования. Наконец, (9d) моделирует возможность передвижения составляющей X, вызванного операцией AGREE, в синтаксическую окрестность признака F.

Примеры типа (3a-b) ставят еще один важный вопрос для параметрического описания варьирования — вопрос об отнесении варьирования к определенному языковому модулю. Различия в структуре именной словоформы татарского и чувашского языков могут быть в принципе представлены как различия в их синтаксической деривации (за которыми, в свою очередь, будут стоять различия в признаковой спецификации вершин). В татарском языке NP сперва соединяется с числовой вершиной Num, затем

с посессивной вершиной Poss, проецирующей посессор, согласующейся с ним по ф-признакам и приписывающей ему падеж, и затем получает падеж в результате взаимодействия с переходной глагольной вершиной во внешнем синтаксическом контексте [Lyutikova 2017]. В чувашском языке, напротив, порядок аффиксов подсказывает такой маршрут деривации, при котором сперва NP соединяется с посессивной вершиной и посессором, а затем с числовой вершиной. Кажется, что такой анализ достаточно экономен, поскольку совместим с тривиальным правилом определения последовательности аффиксов — зеркальным принципом:

(10) The Mirror Principle [Baker 1985: 375]

Morphological derivations must directly reflect syntactic derivations (and vice versa).

Зеркальный принцип эффективно ограничивает варьирование в морфологическом компоненте, позволяя сопоставить каждой синтаксической деривации только одно морфологическое представление. Однако цена за эту ограниченность слишком велика: она вынуждает нас признать, что синтаксическая структура именной группы близкородственных языков варьирует в достаточно широких пределах. Более того, эта гипотеза требует неправдоподобных допущений о порядке семантической композиции именной группы, семантических типах промежуточных именных проекций и стандартных функциональных вершин в чувашском языке. Эти соображения говорят в пользу другого решения: признать синтаксические деривации в (3a-b) идентичными и возложить бремя ответственности за варьирование на морфонологический компонент. Можно предположить, например, что порядок аффиксов в чувашской именной словоформе получен при помощи морфологической операции понижения (Lowering), меняющей иерархический порядок морфем Num-Poss-Case на Poss-Num-Case [Embick, Noyer 2001].

Предпринятое обсуждение показывает, что исследование типологически релевантных параметров не обязательно должно принимать к рассмотрению материал всех языков мира или хотя бы достаточно представительной языковой выборки (100-500 языков). Точное определение специфики типологических исследований связано не с количеством рассмотренных языков, а с установкой лингвиста: типолог делает заявку на исследование всех языков мира, т.е. на описание лингвистического разнообразия и выделение

предполагаемых универсалий, или, по крайней мере — на описание открытых классов языков, соответствующих некоторому заданному параметру или комбинации параметров. В основе типологического подхода к языку — исследование его природы через выявление общего и особенного, а это означает, что методы параметрической типологии приложимы в самых разных областях, где происходит сравнение языков: в сопоставительных исследованиях генетической группы языков (внутригенетическая типология), в ареальных исследованиях, в диахронической и исторической лингвистике. Типологическими могут быть признаны и исследования, преимущественно выполненные на материале одного языка, в том числе — родного языка исследователя, если в них делается попытка определить соотношение лингвоспецифических и универсальных черт в грамматике данного языка.

Координация усилий типологов, занимающихся проблемами параметризации, в большей степени связана с общностью решаемых ими задач описания, а не с принадлежностью ученого к той или иной концепции формальной грамматики или типологическому проекту. Одной из площадок для дискуссии является проводимая с 2011 г. серия международных конференций «Типология морфосинтаксических параметров»⁶, которая задумывалась в качестве общего форума для типологов и лингвистов широкого профиля, интересующихся проблемами взаимодействия морфологии, синтаксиса, просодико-синтаксического и коммуникативно-синтаксического интерфейсов. Первый выпуск одноименного журнала (2018, вып. 1), учрежденного в 2018 г., по своей тематике продолжает серию ежегодных публикаций конференции ТМП, издававшихся с 2014 по 2017 годы [ТМП 2014; ТМП 2015; ТМП 2016; ТМП 2017].

Параметризация грамматического разнообразия естественных языков — чрезвычайно активно и плодотворно развивающееся направление лингвистики конца XX — начала XXI века. Как кажется, это одна из тех областей,

⁶ Организаторами и соорганизаторами ежегодных конференций тематической серии «Типология морфосинтаксических параметров» были: Московский государственный гуманитарный университет имени М. А. Шолохова (2011–2014), Московский педагогический государственный университет (2015–2016), Институт языкознания РАН (2016–2018), Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (2016–2018), Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (2017–2018). Учредителем журнала «Типология морфосинтаксических параметров» является Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина.

где приверженцы формальных и функциональных моделей, при всех разногласиях, имеют много точек пересечения и где возможен конструктивный диалог между различными лингвистическими школами. Мы надеемся, что журнал станет еще одной научной площадкой, в рамках которой представители различных лингвистических направлений и специалисты по различным языкам и языковым семьям получат возможность обсудить соотношение общего, типового и специфического в устройстве и распределении морфосинтаксических параметров.

Условные обозначения и сокращения

1 — первое лицо, ACC — аккузатив, PL — множественное число, SG — единственное число.

Литература

- Аркадьев 2016 — Аркадьев П.А. Возможны ли однопадежные системы? [Arkad'ev P.A. Are monocasual systems possible?]. Piątkowska J., Zeldowicz G. (eds.). Znaki czy nie znaki? — II. Zbiór prac lingwistycznych. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego, 2016. P. 9–37.
- Бейлин 1997 — Бейлин Дж. Краткая история генеративной грамматики // Кибрик А.А., Кобозева И.М., Секерина И.М. (ред.). Функциональные направления современной американской лингвистики. М.: МГУ, 1997. С. 13–57. [Bailyn J. A short history of generative grammar. Kibrik A.A., Kobozeva I.M., Sekerina I.M. (eds.). Funktsional'nye napravleniya sovremennoi amerikanskoj lingvistiki. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1997. P. 13–57.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 270 с. [Zaliznyak A.A. Russkoe imennoe slovoizmenenie [Russian Nominal Inflection]. Moscow: Nauka, 1967. 270 p.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М.: Наука, 1976. [Kovtunova I.I. Sovremennyi russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya [Modern Russian: Word order and topic-comment articulation of the sentence]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Козинский 1983 — Козинский И.Ш. О категории “подлежащее” в русском языке. М.: Институт русского языка АН СССР. Предварит. публ., вып. 156. М., 1983. [Kozinskii I.Sh. O kategorii “podlezhashchee” v russkom yazyke [On the category of “subject” in Russian]. Moscow: Institute for the Russian Language, USSR Academy of Sciences. Preprint, iss. 156. Moscow, 1983.]
- Лютикова 2019 — Лютикова Е.А. Коммуникативная структура в синтаксической деривации // Вопросы языкознания. 2019. №1. С. 7–29. [Lyutikova E.A. Information structure in syntactic derivation. Voprosy jazykoznanija. 2019. No. 1. P. 7–29.]
- Плунгян 2010 — Плунгян В.А. Почему языки такие разные. Популярная лингвистика. М.: АСТ-Пресс Книга, 2010. 274 с. [Plungian V.A. Pochemu yazyki takie raznye. Populyarnaya lingvistika [Why are languages so different. Popular linguistics]. Moscow: AST-Press Kniga, 2010, 274 p.]
- ТМП 2014 — Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014». Вып. 1. Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Коношенко М.Б. (ред.). М.: МГУ им. М.А. Шолохова, 2014. 272 с.

- [Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2014» [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2014”]. Iss. 1. Lyutikova E.A., Zimmerling A.V., Konoshenko M.B. (eds.). Moscow: Sholokhov Moscow State University for the Humanities, 2014. 272 p.]
- ТПП 2015 — Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2. Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В., Коношенко М.Б. (ред.). М.: МПГУ, 2015. 515 с. [Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2015» [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”]. Iss. 2. Lyutikova E.A., Zimmerling A.V., Konoshenko M.B. (eds.). Moscow: Moscow State University of Education, 2015. 515 p.]
- ТПП 2016 — Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. Коношенко М.Б., Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. (ред.). М.: МПГУ, 2016. 420 с. [Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2016» [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2016”]. Iss. 3. Konoshenko M.B., Lyutikova E.A., Zimmerling A.V. (eds.). Moscow: Moscow State University of Education, 2016. 420 p.]
- ТПП 2017 — Типология морфосинтаксических параметров. Вып. 4. Лютикова Е.А., Циммерлинг А.В. (ред.). Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2017». М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. 287 с. [Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov 2017» [Typology of morphosyntactic parameters. Proceedings of the international conference “Typology of morphosyntactic parameters 2017”]. Iss. 4. Lyutikova E.A., Zimmerling A.V. (eds.). Moscow: Pushkin State Russian Language Institute, 2017. 287 p.]
- Циммерлинг 2000 — Циммерлинг А.В. Американская лингвистика глазами отечественных языковедов // Вопросы языкознания. 2000. № 2. С. 118–133. [Zimmerling A.V. American linguistics as viewed by Russian linguists. Voprosy jazykoznanija. 2000. No. 2. P. 118–133.]
- Циммерлинг, Лютикова 2016 — Архитектура клаузы в параметрических моделях. Синтаксис, информационная структура, порядок слов. Циммерлинг А.В., Лютикова Е.А. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2016. 608 с. [Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh. Sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov [Clause Architecture in the Parametric Models: Syntax, Information Structure, Word Order]. Zimmerling A.V., Lyutikova E.A. (eds.). Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2016. 608 p.]
- Шведова 1982 — Грамматика русского литературного языка. Шведова Н.Ю. (ред.). Т2. Синтаксис. М.: Наука, 1982. 710 с. [Grammatika russkogo literaturnogo yazyka [A Grammar of Standard Russian]. Shvedova N.Yu. (ed.). Vol. 2. Syntax. Moscow: Nauka, 1982. 710 p.]
- Austin 2001 — Austin P. Word order in a free word order language: the case of Jiwari. Simpson J. et al. (eds). Forty years on: Ken Hale and Australian languages. Canberra: Pacific Linguistics, 2001. P. 205–323.
- Baker 1985 — Baker M. The Mirror Principle and morphosyntactic explanation. Linguistic Inquiry. 1985. Vol. 16. P. 537–576.
- Baker 2008 — Baker M. The macroparameter in a microparametric world. Biberauer T. (ed.). The limits of variation. Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 351–374.
- Bhatt 1999 — Bhatt R.M. Verb Movement and the Syntax of Kashmiri. Dordrecht-Boston-London: Kluwer, 1999. 291 p.

- Borer 1984 — Borer H. Parametric syntax: case studies in Semitic and Romance languages. Dordrecht: Foris, 1984.
- Ćavar, Wilder 1999 — Ćavar D., Wilder Ch.. Clitic Third in Croatian. van Riemsdijk H. (ed.). Clitics in the languages of Europe (Eurotype 20-5). Berlin – New York: Mouton, 1999. P. 429–467.
- Chomsky 2001 — Chomsky N. Derivation by phase. Kenstowicz M. (ed.). Ken Hale: A Life in Language. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001. P. 1–52.
- Croft 2003 — Croft W. Typology and universals. 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- den Besten 1983 — den Besten H. On the interaction of root transformations and lexical deletive rules. Abraham W. (ed.). On the formal syntax of Westgermania. Amsterdam: Benjamins, 1983. P. 47–131.
- Dryer 2013 — Dryer M.S. Order of Subject, Object and Verb. Dryer M., Haspelmath M. (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/81>, Accessed on 2018-11-05).
- Embick, Noyer 2001 — Embick D., Noyer, R. Movement operations after syntax. Linguistic inquiry. 2001. Vol. 32. P. 555–596.
- Fiedler, Schwarz 2010 — Fiedler I., Schwarz A. (eds.). The expression of information structure: A documentation of its diversity across Africa. Amsterdam: John Benjamins, 2010.
- Greenberg 1963 — Greenberg J. Some universal of grammar, with particular reference to the order of meaningful elements. Greenberg J. (ed.). Universals of grammar. 2nd ed. Cambridge, MA: MIT Press, 1963. P. 73–113.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in crosslinguistic studies. Language. 2010. Vol. 86. No.3. P. 663–687.
- Haspelmath 2014 — Haspelmath M. Descriptive Scales vs Comparative Scales. Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A., Richards M. (eds.). Scales and hierarchies. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 45–58.
- Kibrik 1997 — Kibrik A.E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. Linguistic Typology. 1997. Vol. 1. No. 3. P. 279-346.
- Li, Tompson 1976 — Li Ch.N., Thompson S.A. Subject and topic: A new typology of language. Li Ch.N. (ed.). Subject and topic. New York: Academic Press, 1976. P. 457–489.
- Longobardi 2005 — Longobardi G. A minimalist program for parametric linguistics? Broekhuis H. et al. (eds.). Organizing grammar. Linguistic studies in honor of Henk van Riemsdijk. Berlijn — New York: Mouton De Gruyter, 2005. P. 407–414.
- Lyutikova 2017 — Lyutikova E. Agreement, Case and Licensing. Ural-Altai Studies. 2017. Vol. 25. No. 2. P. 25–45.
- Mithun 1992 — Mithun M. Is basic word order universal? Payne D. (ed.). Pragmatics of word order flexibility. Amsterdam: John Benjamins, 1992. P. 15–61.
- Pollock 1989 — Pollock J.-Y. Verb movement, universal grammar, and the structure of IP. Linguistic Inquiry. 1989. Vol. 20. No. 3. P. 365–424.
- Roberts 2012 — Roberts I. Phases, Head-movement and Second-Position Effects. Gallego A. (ed.). Phases: Developing the framework. Berlin, Boston: Mouton de Gruyter, 2012. P. 385–440.
- Sadock 1995 — Sadock J.M. A multi-hierarchy view of clitics. Papers from the Parasession on Clitics. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1995. P. 258–279.
- Sasse 1987 — Sasse H.-J. Thethetic / categorical distinction revisited. Linguistics. 1987. Vol. 25. No. 3. P. 511–580.
- Zimmerling 2015 — Zimmerling A. Parametrizing Verb Second languages and Clitic Second languages. Proceedings of the 2015th International Conference on Artificial Intelligenc (ICAI 15). Oslo: The University of Oslo, 2015. P. 281–287.

- Zimmerling, Kosta 2013 — Zimmerling A., Kosta P. Slavic clitics. A typology. Sprachtypologie und Universalforschung (STUF). 2013. Vol. 66. No. 2. P. 178–214.
- Zimmerling, Lyutikova 2015 — Zimmerling A., Lyutikova E. Approaching V2: Verb Second and Verb Movement. Komp'juternaja Lingvistika i Intellektual'nye Tehnologii. M.: RGGU, 2015. P. 696–710.
- Zwicky 1985 — Zwicky A.M. Clitics and particles. Language. 1985. Vol. 61. No. 2. P. 283–305.

Статья поступила в редакцию 20.12.2018

The article was received on 20.12.2018

Екатерина Анатольевна Лютикова

доктор филологических наук; доцент, МГУ имени М. В. Ломоносова; профессор, Московский педагогический государственный университет; участник проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина

Ekaterina A. Lyutikova

Dr. Phil. Hab.; associate professor, Lomonosov Moscow State University; professor, Moscow Pedagogical State University; researcher in the project “Parametric description of the languages of Russia” realized in Pushkin State Russian Language Institute

lyutikova2008@gmail.com

Антон Владимирович Циммерлинг

доктор филологических наук; профессор, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина; профессор, Московский педагогический государственный университет; ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН

Anton V. Zimmerling

Dr. Phil. Hab.; professor, Pushkin State Russian Language Institute; professor, Moscow Pedagogical State University; principal researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

fagraey64@hotmail.com